

Игорь Шестков

ДОМА

Путешествуя по дальним странам, я потерял счет дням и годам.

Когда почувствовал, что скоро потеряю и свое место в пространстве, испугался и поехал домой. В город, в котором когда-то жил.

Решил провести остаток жизни в своей старой квартире на четвертом этаже пятиэтажного дома, облицованного голубоватым камнем.

Квартиру эту я оставил пустой. Продал перед отъездом и мебель, и живопись, и коллекцию мейсенского фарфора, и книги...

Не думал тогда о возвращении, о старости. Я был еще сравнительно молодым человеком, и меня неодолимо тянули к себе – загадочный город в горах Мачу-Пикчу, таинственные резные ступы Боробудура, гигантские улыбающиеся лица погруженного в нирвану Будды, оплетенные мощными корнями, в Ангкоре и солнечные и лунные пирамиды города богов Теотиукана. Еще больше будд и ступ тянули к себе пахнущие гвоздикой нежные женщины с Молуккских островов и темпераментные латиноамериканки.

Хотел было и квартиру продать, даже договорился с маклером о цене, но в последний момент передумал.

А потом... через много-много лет странной жизни, жизни туриста, сибарита, наблюдателя, когда глаза насытились экзотическими красотами, нос устал от пряных ароматов, а тело изнемогло от наслаждений... начал вспоминать свою жизнь до отъезда... вспоминать мужчин и женщин, которых знал и любил в городе, давшем мне когда-то пристанище.

Думал о них и по дороге домой.

Перебирал как четки лица, тела, события, сцены. Качаясь в заполненных пестрым людом перуанских поездах, борясь с тошнотой в неудобном автобусе, поднимающемся и спускающемся по бесконечным серпантинам боливийских Анд... и падая в воздушные ямы вместе с самолетом местных авиалиний Аргентины.

Полет из Буэнос-Айреса во Франкфурт проспал мертвым сном без сновидений.

Впрочем, перед тем, как проснуться, неожиданно увидел первую леди Америки Меланью Трамп. На арене цирка. Она очаровательно улыбнулась и скинула платье... послала мне воздушный поцелуй. А я достал толстый кнут и громко им щелкнул. Меланья заржала и побежала по кругу. Хорошенькая белая лошадка. С золотыми колокольчиками на гриве. Публика бешено заплодировала.

...

Квартиру я купил на гонорары от первой – в долгом ряду неудач – и последней моей коммерческой публикации. Написал триллер. С убийствами, похищениями, погонями, каннибализмом, инцестом и двумя злодеями-близнецами, богачами и извращенцами. Знакомый кёльнский издатель издал этот ужасный роман, рискуя собственными деньгами. Но не прогадал.

Ни один герой этого текста не был оригинален, ни один диалог не был живым, ни одна коллизия не возбуждала во мне гордого чувства авторства. Халтуру мою раскупили за неделю. Издатель настоятельно требовал продолжения.

Книги же, которые я писал годами, болтаясь и трепеща как флюгер в бурю на границе реальности и метафизики, книги, которые мне самому было интересно читать, не продавались вообще.

Когда я понял, что написал достаточно и начал повторяться, – забросил писанину и начал готовиться к отъезду.

Позаботился о том, что будет с моим жильем во время моего отсутствия. Отключил электричество и водоснабжение. Заключил долголетний договор с Немецким банком о регулярных переводах с моего счета налога на собственность, страховых взносов и ежемесячных платежей в солидарную кассу собственников квартир нашего дома. Господин Шмидт, мой литературный агент, согласился за небольшую

плату раз в квартал заходить в квартиру и проверять, все ли в порядке, а также следить за платежами и почтой. Я оставил ему пять тысяч франков – для доплаты в случае необходимости.

...

Город встретил меня знакомой суетой на перронах, розовыми огнями стерильной и уютной аптеки, оранжевыми и синими обложками комиксов на витрине книжного магазина, ленивой зевотой шоферов такси, изнывающих от безделья в длинной очереди машин на привокзальной площади, изрядно попорченным голубыми памятником борцам за что-то, давно позабытое человечеством, запахом жареных сосисок, сладкой горчицы и пива, источаемым киосками, в которых кроме сосисок и пива продавали картофельный салат, кока-колу и жареную колбасу, ревом моторов и ядовитыми выхлопами дизельных автомобилей, несмотря на многочисленные протесты зеленых, так и не запрещенных городскими властями, резко и громко каркающими воронами, похотливо расхаживающими по тротуарам, и невыносимым скрежетом трамваев.

Силуэт города за время моего отсутствия изменился. В центре построили несколько импозантных небоскребов и сияющих разноцветными огнями торговых центров. Здания эти город не украсили, а превратили в пародию на давно навязший в зубах стереотип западного мегаполиса. Бесследно исчезли многие старинные одно- и двухэтажные дома,

которые мне так нравились когда-то. На их месте появились современные бетонные здания, как будто пытающиеся новизной и дерзостью своих форм оправдаться перед кем-то за уничтожение прежней застройки, и в начале девяностых годов двадцатого века все еще сохранявшей приметы довоенного шика.

Прохожие... почему-то то и дело останавливались и подолгу смотрели на меня невыразительными немигающими глазами андроидов. Узнавали автора бестселлера? Вряд ли. Столько лет прошло... Скорее реагировали так на мой экзотический костюм в стиле «гуачо», который я приобрел в Аргентине лет пятнадцать назад. Широкие иссиня-черные штаны и сюртук с вышивками. И на перуанскую кожаную шляпу.

В самих фигурах обитателей города было что-то неприятное. Неживое. Что-то от неуклюжих кукол, имитаций человека. Были ли они уродливыми? Нет. Но они были предсказуемыми. Так же как и их лица, мнения и судьбы.

Люди не меняются за четверть века. Только стареют, деревенеют. Скрытая ненависть и зависть ко всему чужеземному, непонятному, необычному — была и осталась их сутью.

И среди этих людей ты хочешь доживать свою жизнь?

...

На прохожих старался больше не смотреть. Шел и по старой привычке фотографировал глазами все, что видел. Редкие лужи и отражающиеся в них огни, синеватый, почти враждебный свет высоких фонарей, мигающие рекламные вывески, как всегда слишком конкретные, без полета и таланта, фасады, напоминающие тяжелую артиллерию, пугающе крутые скаты крыш с маленькими окошками, из которых смотрели на мир мертвыми глазами глиняные кошки, слепящий, холодный свет фар...

Шел и слушал какофонию большого города, скрежет и лязг его зубов, его стоны и всхлипы.

Многое было мне незнакомо, непонятно... Например, зачем на улицах поставили розовые колонны? Их можно было потрогать, им можно было задать вопрос. Но могли ли они отвечать на вопросы? Не знаю. Выглядели они величественно, что-то было в них сакральное... но уважением среди местного населения они явно не пользовались. Я видел как собаки поднимали на них лапу, а их хозяева им не мешали. Городские мальчишки плевали прямо в их неестественно улыбающиеся голографические лица. В одном из моих рассказов была такая колонна. Неужели?

...

Шел и отчаянно пытался понять, кто же я в этой неравнозначной паре – город и человек.

Какой я? Огромный, растянутый над городом до самых окраин пульсирующий пузырь, или только

одинокий светлячок, ищущий безопасный цветок, чтобы напиться нектара и затем спрятаться под листиком?

Протекающая через город темная река или только камешек на ее берегу.

Какой, какой? Никакой.

В голове почему-то повторялась и повторялась фраза, которую когда-то слышал в телепередаче об одном затерянном в лесах канадском городе: В сумерки медведи покидают лес, шныряют по улицам, прокрадываются во дворы многоэтажных домов и ищут корм в мусорных баках. Осенью они становятся опасными для человека.

В сумерки, в сумерки, в сумерки... Ищут, ищут, ищут. Медведи. Корм. Осенью.

Может быть и я – такое... вышедшее в осенние сумерки из глухой чащи собственной души, опасное для окружающих существо, давно потерявшее человеческий облик и превратившееся в гризли... Крадусь в ставший мне чужим мир. Мир бетона, выхлопных газов и неприветливых андроидов. Ищу свою старую берлогу.

...

Решил сделать небольшой крюк и пройтись по улице красных фонарей.

Тут вроде бы ничего не изменилось. Полураздетые женщины все так же сидели в застекленных вит-

ринах и назойливо демонстрировали свои достоинства. Редкие любители продажной любви слонялись от одной витрины к другой и глазели.

Подошел к одной, заинтересовавшей меня даме.

Над красавицей-мулаткой горела красновато-лиловая неоновая надпись «Летиция знает, что ты хочешь, и давно ждет тебя, загадочный незнакомец».

Долго на нее пялился.

Вначале Летиция кокетничала, поправляла волосы, моргала длинными накладными ресницами, изгибалась как змея... затем положила ногу на ногу, подтянула чулки и застыла... вероятно решила, что я не клиент, а праздный зевака. Сморщила коралловые губы и презрительно посмотрела на мои дорогие узконосые ботинки из крокодиловой кожи. Выругалась по-испански и ушла во внутренние помещения борделя. А передо мной неожиданно возник хмурый охранник или сутенер в кожаной куртке с меховым воротником. Накаченный бугай с рыжей бородой и наколками на пальцах. Он веско посмотрел на меня большими, на выкате, как будто стеклянными глазами, и пробурчал металлическим басом: Не хочешь заходить – вали. Ты не на выставке собак. Не пугай девушек своей гнусной образиной.

Пока он говорил все это, в нем самом что-то трещало. Такой звук производили во времена моего детства заводные машинки.

Бугай провоцировал и оскорблял, потому что был уверен в том, что никаких шансов против него

у меня не было. Он был на голову меня выше и раз в десять сильнее.

Полагалось ударить его в лицо кулаком. Он бы ловко схватил меня за кулак своей железобетонной лапой и раздавил его как гнилое яблоко, а затем повалил бы меня и начал бить ногами.

Ярость превратила меня в убийцу... не совсем настоящего. Я знал, что меня не накажут.

Осторожно вдел в кармане пальцы правой руки в стальной кастет с длинными кривыми шипами. Заточенными как лезвия. Не глядя на охранника, не спеша вынул руку из кармана и неожиданно для него резко ударил его в живот. Шипы легко прошли сквозь его куртку и рубашку и вонзились в его спортивное тело.

Так же резко выдрал кастет из его туши... вместе с большим куском куртки и кровоточащей плоти. Охранник даже не завопил. Осел и пустил кровавые слюни. А я пошел дальше.

Никто не подбежал ко мне, не закричал, не вызвал полицию.

Перед тем, как покинуть улицу красных фонарей, я обернулся, посмотрел...

И не увидел ни лежащей фигуры охранника, ни мужчин, рассматривающих женщин в витринах. Витрины были закрыты листами фанеры, расписанными граффити, а двери борделей – заколочены досками. Некоторые домишки были давно снесены. Там, где они когда-то стояли – какие-то жуткие люди

жгли костры и иступленно танцевали, уродливо дергаясь и свирепо рыча.

Это были каннибалы из моего триллера. И происшествие с охранником тоже было оттуда.

...

Вот и моя улица. Слава богу, дом на месте. Четыре моих окна недобро темнели в высоте.

Дверь в подъезд была заперта. Ага, список жильцов. Тут когда-то стояла и моя фамилия. Не смог прочитать ни одного имени. Размыто все...

Позвонил наугад. Никто не отозвался. Только собака где-то завывала. Протяжно и гадко.

Через несколько минут услышал приближающиеся тяжелые шаги.

Дверь открыла ужасно толстая старуха. Едва взглянув на меня, ушла к себе. Физиономия ее была похожа на лицо японского борца сумо. Я услышал, как она сопит и бормочет: Тьфу, тьфу, нежить...

Захотелось убраться отсюда... но идти мне было некуда. Денег в кармане не хватило бы даже на ночевку в дешевой гостинице, а провести ночь, сидя на корточках у костра рядом с танцующими каннибалами, мне не хотелось.

Пошел наверх.

Вот и моя старая дверь. Дубовая. С окошечками, застекленными ячеистым сиреневым стеклом. В одном из них был виден олень с солнцем между рогами. В другом – гном с длинной синей бородой.

Как и в стародавние времена рядом с дверью, на позолоченной тумбочке, помещался горшок с неизвестным мне растением. То ли экзотическим кактусом, то ли редким видом алоэ. Машинально поискал ключ под горшком. Нашел!

Открыл дверь и вошел.

...

В коридоре было темно, сколько ни щелкал выключателем, свет не включался. Похоже, в квартире действительно никто не жил. Коридор выглядел таким, каким я его оставил. Пустым и пыльным.

Открыл наощупь дверь в мою бывшую мастерскую. Через два огромных окна в нее лился синеватый свет фонарей. Бывшая мастерская тоже была пуста. Только на стенах ее как будто еще висели картины, которые я тут написал.

Не картины, а их эфирные тела...

Нет... нет, таких страшных чудищ я никогда не рисовал!

Полужабы-полускорпионы, смеющийся лошадиный череп на куриных ножках, гигантская бабочка с оскаленной пастью гиены...

От моего взгляда они стали сгущаться и превращаться в живые материальные тела. Выскочил из бывшей мастерской и закрыл за собой дверь. Услышал шип и царапанье когтей. Подпер дверь плечом, чтобы чудища не вырвались. Все стихло, как только я вспомнил, в каком рассказе я описал эту сцену.

...

Зашел в гостиную.

И тут тоже – перекрещенный свет фонарей. Цветные отблески от светофора на перекрестке. Гулкая пустота.

Вдруг... перед глазами побежали как испуганные косули призраки знакомых мне людей, наверное гостей, которых я тут принимал. Сотни. Сотни фигур. Никто из них не остановился, хотя бы на мгновение, не дал себя рассмотреть.

Призраки? Почему же я физически ощутил вызванное ими движение воздуха?

Вот, несколько фантомов окружили меня... показали мне свои бледные лица. Глаза закрыты, губы сжаты. Мертвые?

– Друзья, остановитесь, прошу...

Пропали. Только одно печальное женское лицо какое-то время еще висело в воздухе. Затем исчезло и оно.

Я был уверен, что знаю женщину, которой оно принадлежало. Да, я прожил с ней не один год. Ее зовут... Нет, не могу вспомнить. Но помню ее нежную податливую грудь, страстные глаза, короткие энергичные пальцы. Вспомнил, как крепко сплетались во время любви наши тела, как мы шалили и брызгались в Красном море, как гонялись за стрекозами на солнечных лужайках Саксонии и дурачились рядом с Железной девой в музее пыток в Роттенберге. Когда смотритель вышел в другую комнату, она уселась в специальное пыточное кресло,

усыпанное шипами, а потом, дома, попросила меня зализать кровоточащие ранки. Шипы, впрочем, были не очень острые. Помнится, мы еще долго играли потом в инквизитора и еретичку... попеременно меняясь ролями.

– Кто ты, милая? Ты жива? Я забыл твое имя, прости... Как тебя зовут? Тильда? Сигрун? Откликнись.

Никто мне не ответил. Я слышал только приглушенный рев автомобилей с улицы. И еще – какой-то невнятный шепот или шум, доносившийся как бы ниоткуда. Похоже его источник был в моей голове.

Неожиданно понял, почему я не смог вспомнить ее имя. У нее не было имени. Эта женщина была героиней одного из моих рассказов. В нем она ни разу не была названа по имени. И все эти «гости», бегущие через гостиную, не были ни призраками, ни воспоминаниями. Они тоже были моими литературными героями. Теми, которые много лет назад встали стеной между мной и живыми людьми. И винить в этом некого – эту стену выстроил я сам. И спрятался за ней в своем придуманном мире.

...

Из гостиной я отправился в спальню.

И тут же увидел свет под дверью. Значит, в спальне кто-то есть. Мурашки по коже. Еще одна встреча с самим собой. Вошел.

И сразу узнал... узнал шторы, большие абстрактные картины на стенах, тумбочки, торшеры, платяной шкаф орехового дерева, трельяж, узнал и свой красный диван, на котором проспал столько лет. Что он только ни видел и ни слышал, через какие любовные треугольники ни протащил меня, мой старый добрый коняга.

Диван был застелен. Под одеялом кто-то лежал...

Я еще не успел испугаться, как человек скинул с себя одеяло...

Это опять была проклятая Меланья Трамп. Что за наваждение? Об этой крале я точно никогда ничего не писал. Кто посылает ее ко мне? Зачем?

Меланья ловко перепрыгнула через меня как лошадь через барьер. Начала танцевать и кувыркаться как гимнастка. Запела куплеты на неизвестном мне славянском языке.

Я щелкнул кнутом и пригрозил ей. Она подошла ко мне и ласково пригласила меня лечь с ней на диван. Я подчинился.

Ее лицо во время полового акта несколько раз изменилось. Я вел себя грубо и несколько раз рычал на нее, когда она начинала слишком громко стонать. Когда подошел мой черед терять голову – она мне отомстила, превратилась в ту самую жирную старуху с лицом японского борца.

Проснулся я сидя на полу в неудобной позе. Ноги так затекли, что я не смог встать.

Спальня была пуста и темна.

Шёпот в моей голове стал громче.

...

Не без труда нашел в коридоре ящик с пробками. Включил рубильники.

Оказалось, во всех комнатах и на кухне с потолка свисали лампочки на коротких проводах. В ванной комнате сохранилась моя старая настенная лампа в форме трилистника.

Покрутил водопроводные вентили. Из крана в умывальнике полилась горячая вода. Ура!

Умылся, вымыл лицо и руки. Сполоснул ванну.

Разделся и лег в горячую воду. Какое облегчение! Я дома.

Расслабился, закрыл глаза.

Открыл их через мгновение. Почти в полной темноте. Вылез из сухой ванны. Одетый.

Никакой лампы на стене в ванной комнате не было. На ее месте из стены вылезали два грязных обрывка провода.

Не было и лампочек под потолком. В квартире было темно, сыро и холодно. Ящик с пробками был пустым. В нем лежала кверху брюхом дохлая крыса. В голове ее была дырка, похоже кто-то убил ее выстрелом из пневматической винтовки.

Знаю, знаю, кто.

Несмотря ни на что решил переночевать тут. А завтра попытаться поговорить с жильцами других квартир, зайти в мэрию, в банк, посетить Шмидта в его бюро и прояснить ситуацию.

Лег на пол. Холодно, неудобно, больно.

На стенах и на потолке начали показываться фосфоресцирующие в темноте морды демонов. Клыкастые, мохнатые, со свиными пяточками вместо носов, с отвратительными висячими ушами, как у собаки, рогатые. Они вылезали из стены, тянули ко мне свои когтистые лапы, норовили схватить и растерзать. Невдалеке закачался жуткий маятник с тяжелым закругленным острием на конце. Слева от меня зиял бездонный колодец, справа – алел раскаленный каменный шар.

Демоны схватили меня за плечи поволокли к колодцу. Шар покатился за мной. Маятник свистел в нескольких сантиметрах от моей груди.

Я вынул кастет и попытался отбить им дьявольскую атаку. Махал, махал...

Но вдруг понял, что это не кастет, а расческа.

Я упал на дно колодца. Раскаленный шар придавил меня. Невыносимая боль пронзила мое тело.

...

Шепот в моей голове превратился в громкий крик. Что и кто кричал, я не понимал, но боялся, что от этого крика голова расколется на части.

Внезапно крик прекратился.

Я сидел на грязной койке в моей спальне. Пахло палеными перьями. У меня болела голова.

На табуретке стояла пустая бутылка Джека Дениелса.

Передо мной маячили – судебный исполнитель, господин Шмидт с протоколом в руках, двое полицейских, похожих на бугая-охранника, и та самая толстая старуха. В руках она держала свернутый в трубку журнал с большой фотографией первой леди США на обложке. Все они с презрением смотрели на меня. Господин Шмидт зачитывал мне выдержки из решения городского суда за номером таким-то.

... На основании вышеизложенного суд постановляет: Выселить господина... из снятой им три года назад квартиры... за хроническую неуплату квартирной платы и коммунальных услуг и доведение жилплощади до антисанитарного состояния.

... мебель и другое имущество господина... будет продано с аукциона сегодня... в три часа дня. Выручка пойдет на ремонт и возмещение морального ущерба владелицы квартиры, госпожи... Непроданные лоты будут утилизированы.

... в связи с нежеланием господина... добровольно покинуть занимаемую им квартиру... и принимая во внимание его агрессивное, антисоциальное поведение... постановляю...

...

На меня надели наручники и вывели из дома, облицованного голубоватым камнем.

На знакомом перекрестке наручники сняли.

Я пошел, куда глаза глядят.